

С. А. Мызников
Санкт-Петербург

**Лексика прибалтийско-финского происхождения
в былинах Обонежья и Беломорья**

Данная статья является продолжением работы над анализом неисконной лексики фольклора¹, а выбор былин в записях П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, А. Маркова обусловлен тем, что имеется возможность сопоставления их данных с нашими полевыми диалектными материалами, собранными в Обонежье и Беломорье по достаточно плотной сетке с целью выявления в русских говорах этого региона лексики прибалтийско-финского происхождения. Весьма важным обстоятельством является и то, что имеются синхронные сведения по словарному составу русских говоров Обонежья, записанные ненамного позднее текстов былин Гильфердинга, — это «Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. Куликовского. Нами не ставилась цель анализа соотношения текстов П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга. Основные задачи сводились к разработке лексико-этимологической проблематики, заключающейся более всего в корректировке версий или уточнении источников неисконных данных.

Анализ источников, составляющих лексические системы фольклорных текстов различных жанров, напрямую связан с понятием о сущности языка фольклора, хотя дискуссию о нем мы оставляем в стороне, отмечаем только то, что в исследуемых текстах былин фиксируется местная диалектная лексика, в том числе и с узкой локализацией, исконного происхождения, что априори позволяет предположить проникновение слов прибалтийско-финского происхождения через русские говоры в анализируемые тексты. Хотя весьма примечателен и тот факт, что ряд былин был записан П. Н. Рыбниковым «от кореляка Василия Лазарева» [Рыбников, 3: 242], однако возможность

---

¹ Данная проблема уже рассматривалась автором в следующих работах: Лексика прибалтийско-финского происхождения в былинах (по записям П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга) и в русских говорах Обонежья // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999. СПб., 2002. С. 82–95; Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004. С. 64–75.

языковой интерференции в данном случае отвергается, поскольку в текстах, записанных от этого сказителя, искомая лексика также единична, как и в других. Общее количество слов прибалтийско-финского происхождения, выявленное в текстах былин, ненамного превышает два десятка. Из них только 6 слов встречаются у обоих авторов, 8 лексем, зафиксированных у Рыбникова, не отмечаются у Гильфердинга; 9 единиц, обнаруженных в записях Гильфердинга, отсутствуют у Рыбникова. Причем в текстах А. Маркова неисконная лексика прибалтийско-финского происхождения представлена единичными фиксациями.

Распределение выявленных слов по тематическим группам дает следующую картину: доминирует лексика природы (наименования ландшафта, птиц, рыб), имеется сельскохозяйственная лексика, присутствует также ряд слов, обозначающих реалии домашнего обихода. По частеречной классификации отмечается преобладание существительных (около 20 единиц), несколько глаголов и одно прилагательное. Почти все слова, зафиксированные в текстах былин, широко употребительны в северорусских говорах, как по источникам XIX в., так и по современным данным (включая региональные лексикографические источники и данные ПЛГО). Однако имеется ряд слов, отмечающихся только в былинах, — это дериваты, образованные от заимствованных корней. Так, например, глагол **ма'лгать** 'понимать, смыслить, разуметь' бытует в русских говорах почти на всей территории Северо-Запада [СРНГ, 17: 339; СРГК, 3: 194, 195], присутствуя и в былинах: — *Так она [молодая Пусятична] не малтала Господу Богу молиться* [Рыбников, 2: 192, Кижская волость, запись у Лысанова]; а префиксальные дериваты этого глагола отмечаются только в исследуемых текстах. Фиксируется глагол **порозмалтаться**: — *Как все они да порозмалтались, Все по стульям, по скамейкам покарбкались [богатыри]* [Рыбников, 2: 344, Пудож. уезд, Филимоновская волость, Сумозеро, запись у Андрея Сорокина]. Глагол **приомалтаться** 'прийти в себя, справиться', представленный в списке непонятных и областных слов [Рыбников, 3], с объяснением Рыбникова — от карельского корня *malтада* с иллюстрацией: — *Тут Илья приомалтался* — отсутствует в тексте былины, вероятно, в результате опечатки: — *Тут-то Илья приотштался, Приотштался приотштался* [Рыбников, 1: 49, Пудож. уезд, Купецкая волость, д. Буракова, зап. у Никифора Прохорова]. Ср. также фин. *malittaa*, кар. *malittoa*, 'уметь, мочь, понимать', вепс. *malitta* 'уметь, знать' [SKES: 331–332]. Вероятно, для русских данных

следует говорить о карельско-вепских источниках [см. также: Kalima 1915: 161; Фасмер, 2: 564].

Точно так же отмеченное у Куликовского в Петрозаводском уезде слово **го'рмоветь** 'плесневеть', ср. кар. *harmoа* 'серый', *harmata* 'посесть, посереть' [KKS, 1: 176–177], лежит в основе деривата – **призагормоветь** 'призаплесневеть': – *Белоярово пшено призагормовело* [Рыбников, 3: 137, Пудож. уезд, Шальский погост, д. Гагарская, зап. у Потапа Потахина]. В диалектных источниках зафиксированы обширные данные: **го'рмоветь** 'покрываться плесенью' Петрозав. [Куликовский; СРНГ], **призаго'рмоветь** 'заплесневеть слегка, немного' Пудож. [Рыбников]. Заонеж. [Даль; СРНГ, 31: 213], **призаго'мовать** 'начать подниматься, забродить [о тесте]' Олон. [Агренева-Славянская; СРНГ, 31: 212], **призаго'моветь** 'начать подниматься, забродить [о тесте]' Олон. [Соболевский; СРНГ, 31: 213], **призагомова'ться** 'слегка покрыться плесенью' Пудож. [СРГК, 5: 161], **призагомово'ить** 'начать подниматься, забродить [о тесте]' Олон. [Соболевский; СРНГ, 31: 213], **загу'моветь** 'заплесневеть' Медвежьегор. [СРГК, 2: 111]. Калима с сомнением связывает материал Куликовского с фин. *härmä* 'инеи, плесень', эст. *harm* 'инеи, морозная дымка' [Kalima 1915: 93], Погодин связывает с фин. *harmaa*, ливв. *harmoа* 'серый' [Погодин 1904: 22]. Фасмер, критикуя Калима за фонетическую недостоверность, не предлагает собственной версии [Фасмер, 1: 422]. Сам Г. И. Куликовский предлагает версию в духе народной этимологии: «Всякій кто видел заросли гормы (hogma финск. Иванъ чай. *Epilobium angustifolium*) в то время, когда семена гормы уже поспели, конечно, помнит, что эти заросли издали кажутся как бы покрытыми в верхней своей части белой пеной или плесенью: белизна эта сообщается зарослям массой пушистых семян „гормы“, высунувшихся из лопнувших плодников. Олончанин провел параллель между плесенью и белым налетом, покрывающим заросли „гормы“, и вот, вместо выражения „покрываться плесенью“, он употребляет глагол „гормоветь“, тогда как, быть может, его отдаленный предок говорил просто „как горма“» [Куликовский 1898]. Данные, в которых отсутствует [p], в фонетическом плане довольно близки, а в семантике соответствуют прибалтийско-финским данным, ср. вепс. *homeh* 'плесень', *homehtuda* 'плесневеть' [СВЯ: 128], ливв. *homeh* 'плесень', *homehtuo* 'плесневеть, покрываться плесенью' [СКЯМ: 72], люд. *homeh* 'плесень', *homehtuda* 'плесневеть', водск. *ēmēhtua* 'плесневеть', при фин. *homehtua* 'плесневеть' [SKES: 80]. Вариант с [p] – **гормоветь** хотя и представлен в нескольких

источниках, основой для них послужили записи былин Рыбникова, и при отсутствии других сведений по этому варианту можно предположить вариантность этой письменной фиксации. Ср. также преобразование фамилии Скуратов в Беломорских былинах: — *Тольке тут не убоалсэ един он тут, Ай по имени Малюта сын Скурлатов был* [Марков 1901: 191].

Одно прилагательное **рипсоватый**, отмеченное у Рыбникова, имеет в основе заимствованный субстантив; сам автор объясняет его следующим образом — «От рибуша, испорченного из карельского *ripak*, которое из русского *тряпка*»: — *Рипсоватые подошвы Почезерочки; Рядные сарафаны Кенозерочки* [Рыбников, 2: 44, Каргопол. уезд, д. Красные Ляги]. Ср., однако, ливв. *ripsakas* ‘с кистями, с бахромой’ (СКЯМ: 307).

Слово **ла’стинья**, встречающееся у обоих авторов, по текстам былин употребляется только в форме множественного числа, т. е. является *pluralia tantum*, тогда как в говорах Обонежья доминирует деривационный вариант **ла’стега** ‘длинная тонкая пластина, отколотая от дерева; щепа’ [СРГК, 3: 99]. У Рыбникова лексема **ластинья** представлена с семантическим пояснением ‘дрань’: — *Да расшиб [Добрыня] весь сырой дуб да по ластиням* [Рыбников, 3: 67, Пудожгорский погост, зап. у крестьянина Бутылки; см. также Рыбников, 1: 128]. Запись Гильфердинга и сюжетно и ареально повторяет текст Рыбникова: — *Как ударит тут Добрынюшка во сырой дуб, Он расшиб же дуб да весь по ластиням* [Гильфердинг, 1: 141. Повен. уезд, Пудожгорский погост, д. Горка, зап. у Петра Калинина]. Ср. вепс. *last* ‘расколотое полено для лучины’, ‘лучина для изготовления корзин’ [СВЯ: 278], при ливв. *laštu* ‘щепа, щепка’, ‘лучина для узорного тканья’ (СКЯМ: 179).

Сопоставление тематических групп слов прибалтийско-финского происхождения, выявленных в текстах былин и зафиксированных в русских говорах Обонежья, дает следующие результаты. В говорах группа птиц насчитывает 24 лексемы, тогда как в текстах былин фигурирует два наименования. Одно из них **ко’пала** ‘глухарка’: — *А мошник-от на море крестьянин, Коппола крестьянская женка* [Гильфердинг, 1: 563, Пудож. уезд, Купец. волость, д. Мелентьевская, зап. у Ивана Фепопова]. — *Мошник — от на мори крестьянин, Коппала крестьянская жонка* [Гильфердинг, 3: 516, Кенозеро, д. Немайтовская, зап. у Андрея Максимова]. Слово **ко’пала** широко распространено в русских говорах Карелии, Мурманской, Архангельской областей [СРГК, 2: 419]. Этимология его достаточно изучена и, вне всякого

сомнения, связана с карельским влиянием, ср. кар., ливв. *koppala* ‘глухарка’ [см. также: Kalima 1915: 128; Фасмер, 2: 317; Аникин 1997: 314]. Наименование кулика зафиксировано у обоих авторов в разных вариантах, у Рыбникова отмечаются **ветлик**: — *Колзан на море поддеверье, ветлик-ключник-язычник* [Рыбников, 3: 339, зап. в Петрозаводске] и **ветлюк**: — *Ветлюк на море травник, сам ябедник* [Кижская волость, д. Боярщина, зап. у Щеголенкова]. У Гильфердинга фигурирует вариант **вытлюк**: — *Вытлюк на море травник, сам ябедник, Кулик на море долгоногий, Сам-то тонконосый* [Гильфердинг, 2: 379, Кижская волость, д. Боярщина, зап. у Василия Щеголенка]. Как видно из приведенных иллюстраций из былин, записи, в которых фиксируется лексика прибалтийско-финского происхождения, были сделаны у одного человека. Однако представлено три варианта. В Словаре Куликовского даны варианты **виклю'к** [Петрозаводский уезд] и **витлю'к** [Заонежье] с общим значением ‘вальдшнеп’, кроме того, имеется еще вариант **ветлик** без акцентуации и географической пометы, что позволяет предположить заимствование данной единицы у Рыбникова. Первая этимологическая версия появляется у Рыбникова, который пишет, что «ветлюк по объяснению зоолога С. А. Усова по эпитету травник — ближайший к зую, который по-зырянски *wjetal*» [Рыбников, 2: LXXIV]. Однако вряд ли это предположение может быть принято, по соображениям как фонетического, так и ареального характера. Более приемлемо искать источник в прибалтийско-финских языках: люд. *vikl'I*, кар. *vikli*, ливв. *vigli*, фин. *vikla*, вепс. *vitli, vitlik* ‘кулик’ [SKES: 1761], а лексема из коми языка, вероятно, заимствована из русского. Различие в вокализме [e] — [и] может быть связано с ослабленной артикуляцией, вызванной редуцией гласного в заударном слого. Фиксация различных консонантов в данных Куликовского: **виклю'к** — **витлю'к** объясняется на этимологической почве. Вариант с [т] довольно частотен и бытует на более широкой территории, включающей практически все Обонежье, чем вариант с [к], распространенный в части Подпорожского р-на и в Кондопожском р-не. Эта ареальная дифференциация позволяет возводить вариант с [т] к вепсскому влиянию, ср. вепс. *vitlik*, а вариант с [к] — к людико-ливвиковскому, хотя нельзя исключать возможность расхождения вариантов на основе внутридиалектных фонетических процессов в русских говорах Обонежья.

Лексика ландшафта насчитывает в былинах 5 лексем. Слово **корба**, по толкованию Рыбникова, «чаща мелкого леса» [Рыбников, 3], отмечается в записях обоих авторов: — *Первая застава — болота зыбучие*,

Болота зыбучие, корбы дремучие [Рыбников, 2: 329, Пудож. уезд, Филимонов, волость, д. Сумозеро, зап. у Андрея Сорокина]. — *А ты ведь еще, Михайлушка, ко тыи ко корбы ко темный, Ко тыи ко грязи ко черный* [Гильфердинг, 1: 461, Пудож. уезд, Купец. волость, д. Буракова, зап. у Никифора Прохорова]. В Словаре Куликовского **ко'рба** 'ложбина, поросшая большим дремучим лесом, чаща, трущоба' фиксируется в Петрозаводском, Вытегорском, Лодейнопольском уездах. По письменным источникам это слово отмечается с 1391 г. [Kalima 1915: 128]. Дериват **корбушки** 'зыбучие болота' представлен у Барсова. Соответствующий материал в карельских и вепсских диалектах, являющийся источником русских данных, сходен по форме и семантике, ср. кар. *korbi* 'глухой темный лес, обычно еловый' [KKS, 2: 331], вепс. *kor'b'* 'глухой лес' [СВЯ: 225], что, на первый взгляд, затрудняет вывод о конкретном языке-источнике. Однако, по данным ПЛГО, **ко'рба** 'густой еловый лес' фиксируется в Подпорожском, Прионежском, Пудожском, Кондопожском, Медвежьегорском р-нах, притом что слово **ко'рба** почти не встречается в заонежских говорах, т. е. оно в основном распространено в зоне субстратно-адстратного влияния вепсских диалектов, что делает наиболее вероятной вепсскую этимологию.

Одна лексема из группы ландшафта, имеющая фиксацию только у Рыбникова, вызывает до сих пор большой интерес по поводу ее этимологической интерпретации. В списке непонятных и областных слов лексема **ольга** имеет толкование 'топкое болото' [Рыбников, 3]: — *Первая застава — ольги топучие; А другая застава великая, у матушки Пачей реки* [Рыбников, 3: 19, 22, Пудож. уезд, Колодозер. волость, д. Пирзаковская, зап. у Трофима Романова]. Это слово в списке Рыбникова было замечено В. И. Далем и помещено во 2-е издание [в 1-м издании оно отсутствует], но с совершенно невозможным для Обонезья ударением на конце слова [у Рыбникова знак акцентуации отсутствовал]. Г. Куликовский, как и его предшественник в деле севернорусской региональной лексикографии А. Подвысоцкий, использовал Словарь Даля иногда в качестве источника, иногда как справочное пособие для поисков и более широкого представления своих авторских данных. Вероятно, именно под влиянием Словаря Даля появляется у Куликовского лексема **о'льга** 'болото' с ударением на первом слоге и дается географическая помета — Петрозаводский уезд. Таким образом, можно утверждать, что только фиксация слова **ольга** Рыбниковым является оригинальной, а материалы Даля и Куликовского вторичны. Кроме того, следует отметить, что в более поздних источниках

данная лексема не отмечалась. Существует несколько версий в отношении ее происхождения. Рыбников высказался за связь слова **ольга** с корнем влага [Рыбников, 3]. Калима сравнивает данный материал с фин. *alho* ‘низина, болото, топь’, замечая, что источник заимствования нужно искать в карельских или вепсских диалектах [Kalima 1915: 175]. Однако принять версию Калима не позволяет различие в типах вокализма – прибалтийско-финское [a] – русское [o], тогда как такое соотношение в субстратной лексике русских говоров имеет место только в вологодских говорах, причем смена вокализма происходит уже на русской диалектной почве. Например, в вепсском произношении ойконим в Бабаевском р-не произносится как *Voilaht*, при официальном русском названии Войлохта². В русских говорах Обонежья прибалтийско-финскому [a] соответствует русский [a], ср. **са'лма** ‘прилив’ при ливв. *salmi* ‘пролив’ [СКЯМ: 324]; хотя в отношении некоторых заимствований можно отметить такую особенность, когда прибалтийско-финскому двухсложному слову соответствует русское трехсложное с трансформациями по типу древнерусск. **градъ** – **город**, ср. **салма** – **соломя**: – *Пойдет мижса... в большое соломя въ прямъ на трубу, а съ Куко озира съ большого соломяни на тетеравины мохъ* [Книга межевая обводная, под 1391 г., Срезневский; Kalima 1915: 213]. Фасмер, отвергая версии о родстве слов **ольга** с латин. *alga* ‘водоросль’, норв. *ulka* ‘плесень, слизь’, а также с литовским гидронимом *Alga*, не выдвигает, однако, собственной этимологии [Фасмер, 3: 137]. На наш взгляд, этимологическому анализу должна подвергаться лексема **о'льга** не как ареально-фонетическая уникалия, а как производительный вариант, не подлежащий обособленной интерпретации. Имея в виду широкое распространение в русских говорах Северо-Запада мены [р] – [л] и [л] – [р]³, вероятно, следует отнести данную единицу в качестве фонетического варианта к основной опорной лексеме **орга**, которая частотна и устойчива в русских говорах Обонежья и фиксируется в разных значениях: ‘глухой, непроходимый участок леса, чащоба’, ‘густой ельник, еловая чаща’, ‘поросшая лесом низина’, ‘поросшая травой низина, используемая для покоса’, ‘лужа’ [СРГК, 4: 234]. Слово **орга** представлено также и у Гильфердинга: – *Тогда зарождалась Вольга богатырь. От его славы богатырю Орги-ты вси приумолкну-*

² О чередовании гласных а/о см.: Матвеев А. К. Некоторые вопросы адаптации ударных гласных в финно-угорских субстратных топонимах Русского Севера // Советское финно-угроведение. VIII. 1972, 1. С. 1–6.

³ О чередовании р/л см.: Ahlqvist, 1998.

ли, *Птица улетела вся под оболочку* [Гильфердинг, 1: 247, Пудож. уезд, д. Рим, зап. у Аксиньи Фоминой]. Однако в записях Рыбникова эта лексема отсутствует, но фиксируется в сказках Ончукова: «*Теперь на орги большой стоит тридевять розбойников*», с толкованием автора — **орга** ‘овраг или топкое место, поросшее лесом’ [Ончуков 1908: 326]. В русских говорах Обонежья, Каргополья доминирует также лексема **о’рга** ‘болотистое место’, ‘густой темный еловый лес’ [Гусева 1971: 130; Михайлова 1986: 83], отмечается она в лексикографических источниках: у Куликовского она зафиксирована в двух значениях: ‘овраг, поросший лесом’ в Вытегорском уезде и ‘топкое место, поросшее дурным лесом’ в Пудожском уезде; в Словаре Подвысоцкого **о’рга** толкуется как ‘покрытое плесенью озерцо’. Данное слово имеет давно утвердившуюся этимологию, которая связана с карельским влиянием, ср. кар. *orgo* ‘водянистая ложбина, поросшая ельником’, ‘овраг’ [KKS, 4: 59], люд. *org* ‘лощина, низина’ [SSAP, 2: 271; Kalima 1915: 176].

Слово **лу’да** ‘подводный камень, каменистая мель’ бытует на всей территории Карелии, а также в Архангельской, Мурманской, Ленинградской областях [СРГК, 3: 154, 155], части Новгородской обл. [НОС, 5: 49]. В текстах былин представлено у обоих авторов, у Рыбникова фиксируется **луда**: — *Берите-ко щупы железные, Щупайте во синем море: Нет ли луды или каменя* [Рыбников, 3: 242, Повен. уезд, д. Кименецы, зап. у Василия Лазарева]; у Гильфердинга — **лудья**: — *А взимайте-ко шестики мерные вы, А миряйте-ко лудья морски-то эти, А чтоб ним молодцам туда поехать* [Гильфердинг, 1: 494, Пудож уезд, Купецкая волость, д. Буркова, зап. у Никифора Прозорова]. Данный материал традиционно связывают с карельским влиянием, ср. кар. *luōdo*, ливв. *luodo* ‘каменистая мель, подводный камень’ [Kalima 1915: 155; Фасмер, 2: 528; Аникин 1997: 374].

Лексема **ще’льга** ‘каменистая возвышенность, холм, скала’ широко представлена в говорах Обонежья: в Пудожском, Медвежьегорском, Прионежском районах, а также в говорах Беломорья. В анализируемых текстах слово **щельга** фиксируется только у Гильфердинга: — *Он [Святогор] поднялся на щельгу великую, Каменьев кидать своими руками богатырскими: — Если поедет Самсон-то ведь Самойлович, я убью камнями к великима Со щельги со крутою* [Гильфердинг, 2: 310, Кижская волость, д. Боярщина, зап. у Василия Щеголенка]. Вероятно, данное слово связано с кар. *šelkä*, люд. *šel’g* ‘скала, горный кряж’ [SKES: 995] с безусловной контаминацией с русск. **ще’лье** ‘каменный гладкий, пологий, приморский берег’, отмечаемым в архангельских говорах.

При наличии в говорах Обонежья значительного количества слов прибалтийско-финского происхождения сельскохозяйственной сферы в текстах былин их употребление единично. У Гильфердинга фиксируется одно слово **кубоча** ‘сноп’: – *Как бывала тут корова обжорца, По кубоче соломы да на раз ела. По лохани да питься е да на раз пила, Ела, ела, пила, пила сама лопнула* [Гильфердинг, 1: 122, Повен. уезд, Пудожский погост, д. Горка, зап. у Петра Калинина]. Причем в беломорских былинах в сходном контексте данное слово отсутствует: – *Там была-то все корова-та обжорца; Она много пила да много ела тут – У ей скоро ведь брюшина-та тут треснула* [Марков 1901: 220]. В русских говорах преобладает вариант **ку'ба'ч**, который имеет широкую дистрибуцию в Беломорье, Обонежье, на территории Новгородской и Ленинградской областей [СРГК, 3: 44, 45; НОС, 4: 167]. У Куликовского представлен вариант **куба'ча**, зафиксированный в Петрозаводском, Вытегорском, Пудожском, Каргопольском, Повенецком уездах. Калима возводит диалектные данные к кар. *kubo* ‘сноп’, ‘связка’, ‘ноша’ [Kalima 1915: 134]. См. также Фасмер, 2: 395, 396; Погодин 1904: 34. Ср. современные данные по прибалтийско-финским языкам: кар. сев. *куро* ‘пучок, связка’, ‘пучок, связка соломы’, кар. твер., тихв. *kubo* ‘то же’ [KKS, 2: 461], кар. твер. *kubošci* ‘связка обмолоченной соломы’ [СКЯП: 118], ливв. *kubo* ‘сноп, связка [льна, соломы и т. п.]’ [СКЯМ: 150], ижор. *куро* ‘вязка соломы, вязанка прутьев, лучины’ [IMS: 210], водск. *куро* ‘связка соломы, сена’, ‘пук сучьев, цветов’ [VKMS: 128], эст. *kubi*, эст. южн. *kubo*, *kubi* ‘связка соломы, лучины, хвороста’, ливск. *ku'b* ‘пучок, вязанка лыка’, фин. *куро* ‘связка соломы, льна’ [SKES: 343].

Одно слово прибалтийско-финского происхождения, отмеченное у Гильфердинга, – **но'дья**: – *Они шли разбойники день до вечера, Да тут разбойники ночью сделали, Да в се разбойники спать легли* [Гильфердинг, 3: 317, Кенозеро, д. Кузминская, зап. у Александра Костина], через русские говоры вошло в охотничью терминологию и широко распространилось в восточном направлении вплоть до говоров Урала и Сибири. Например: **но'дья** ‘костер таежного типа из двух сухостойных бревен, расположенных одно над другим, а также место у костра для временной ночевки в лесу’ [Словарь охотника-природолюбца: 83], **нодья'** ‘большой костер, разводимый охотниками’ [СРГНО: 335], **нодья'** ‘лесной охотничий костер, устроенный из двух бревен, положенный одно на другое’ [СРГСР: 321]. Данное слово восходит к вепс. *nodʃ*, *nod'g'* ‘охотничий костер’ [СВЯ: 362].

Лексема **че'врой** 'речной песок', отмеченная у Гильфердинга, имеет также многочисленные фиксации в русских говорах: **Че'врой** 'речной песок' Заонежье (Куликовский). **Че'вруй** «низкое ровное место на морском берегу, каменистое или песчаное» Арх. (Опыт). «Крупная галька» Арх. (Опыт). **Чо'вруй** Арх. (Даль). **Чо'бруй** «отлогий берег моря» — *Худу рыбу не положат, абросят на чо'бруй — берег морской, где вода отпадает да прибывает*. Беломор. Севмор. (СРГК, 6: 798). **Чевру'й** «низменное, ровное на морском берегу место, покрытое диким камнем или песком, и, сообразно тому, называемое: крупной чевруй или песчаный чевруй» Помор. (Подвысоцкий: 187). «Находящийся во множестве на берегах Белого моря дикий, округленный волною камень» Помор. (Подвысоцкий: 187). **Чавру'й** Помор. (Подвысоцкий: 187). **Че'вруй** 'небольшой залив, бухта' Северомор. (Захребетное) (КСРНГ). **Че'вруя** Северомор. (Захребетное) (КСРНГ). **Ча'вруй** «отмель, некрутой берег из несплошного камня» Арх. (Даль). **Чавра'к** «песок с мелким камнем, гравий, дресва» Петрозав. (Куликовский). **Че'вер** 'щебень' Пудож. (СРГК, 6: 765). **Че'брой** 'ровное место на морском берегу каменистое или песчаное' Кем. (Гридино, Поньгома). «Гальку крупнее арешника зовут **че'вруй**, **че'врай**. Мыс **Чевруй**, разделяющий губы Сайда и Оленья в Кольском заливе, и мыс **Чеврай**, вдающийся в море у Кильдинского пролива, сообщают своими названиями о наличии здесь крупной кальки». Калима возводит варианты **чавруй**, **чевруй** к люд. *t'säuring* 'гравий', которое, в свою очередь, связано с саам. *čievrra*, *čivrra* при коми *džirydž* 'гравий с песком' (Kalima 1915: 239). См. также Фасмер, 4: 309. При чем для Калима неясно, являются ли формы на **-уй**, **-ой** наращением на русской почве или заимствованы. Новые данные по прибалтийско-финским языкам позволяют провести более тщательное сопоставление с русским диалектным материалом, ср. ливв. *čauri* 'гравий, крупный песок, дресва', *čawreikko* 'почва с галькой' (СКЯМ: 33), саам. норв. *čiew'ra* 'галька'.

Одно слово, отмеченное по текстам Рыбникова, не анализировалось с точки зрения его происхождения, это лексема **лач**: — *Отмыкайте кованы лачи, Насыпайте-тко перву мису красну золота* [Рыбников, 2: 18, зап. Лысановым]. Кроме фиксации у Рыбникова, слово **лач** в фольклорном тексте представлено в Макарьевском уезде Нижегородской губ.: — *Отпирай закованный лачи* (КСРНГ). В СРНГ, где данное слово оформляется во множественном числе **лачи**, оно с сомнением сопоставляется с лексемой ларцы [СРНГ, 16: 298], однако здесь же фиксируется сходный материал **ла'ча** 'плетеный заплечный кузов для

переноски различной поклажи': — *В лаче носил еду в поле*. Вост. Мар. АССР, 1952 [СРНГ, 16: 297], что позволяет соотнести фольклорную единицу у Рыбникова и диалектное слово в Поволжье с вепс. *lač* 'кадка, деревянная бочка' [СВЯ: 296]. В удорском диалекте коми языка также бытует лексема *latš* 'вид бочки с крышкой для кваса, пива, воды' [SYRW: 134], вероятно заимствованная из вепсского языка⁴. Однако, поскольку вепсское слово не этимологизируется на финно-угорской почве, направление заимствования остается под вопросом. При этом анализ сходных фольклорных текстов позволяет рассматривать лексему **лач** как вариантную единицу от **ларе'и**, возникшую, вероятно, при преобразовании формы множественного числа **ларцы'** на территориях с «чоканьем»: **ларцы** > **ларчи** > **лачи**. На территориях, где доминирует «цоканье», такого рода процесс не отмечен, и в данных контекстах продолжает фигурировать лексема **ларцы**, **ларци**: — *Ты беритко, моя матушка, золоты ключи, Отмыкай-ко, моя матушка, ко'ваны ларьци* [Марков 1901: 63].

Тематическая группа наименований рыб прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья насчитывает примерно 100 единиц, тогда как в рассматриваемых текстах зафиксировано только одно слово **сороба** 'плотва' по записям обоих авторов [Гильфердинг, 3: 174; Рыбников, 3: 119; зап. у Ивана Сивцева-Поромского, Кенозеро]. Данное слово традиционно считается финно-угорским заимствованием, ср. фин. *särki*, хант., манс. *soroh* 'название рыбы' [Фасмер, 3: 721], следует отметить, что в говорах Обонежья фиксируется более поздний вариант **ся'рга** 'плотва' Лодейноп., Медвежьегор. [КСРГК]. Очевидно, эта лексема возводится к прибалтийско-финским данным, ср. фин., ливв. *särki*, вепс. *särg*, кар. *särki* с тем же значением [SSAP, 3: 241], при мокш. *сярге* 'плотва' [МКРСС, 698], как соответствие на финно-угорской почве.

Весь рассмотренный лексический материал, зафиксированный в былинах, представляет собой диалектные проникновения из русских смежных говоров, и сфера его бытования определяется, в основном, диалектным континуумом. Но два слова, наряду с их бытованием в говорах, являются единицами общенародного фонда русского языка. Одно из них — **са'йка** — фиксируется у обоих авторов: — *Ты мне позовь-ко еще А поставить, построй мне-ка три терема, А три терема златоверхих, Середь города, да середь Киева, А гди маленькие ребятка*

---

⁴ О такого рода заимствованиях см.: Лыткин 1956.

да сайки продают, А гди сайки продают да гди барышничают [Гильфердинг, 1: 496, Пудож. уезд, д. Бураково, зап. у Никифора Прозорова]. – *Середь рыночка, Где малыньки ребята сайки продают* [Рыбников, 1: 329, Пудож. уезд, д. Бураково]. Традиционно слово **сайка** рассматривается как эстонское заимствование, ср. эст. *sai* ‘белый хлеб’. На русской почве эта лексема фиксируется с первой половины XVIII в. [Черных, 2: 136]. Еще одно слово **мы’за** ‘усадьба, хутор’, входя в лексикон общенародного языка, широко известно в русских говорах Северо-Запада и фиксируется у Гильфердинга: – *Воеводы живут у нас по мызам* [Гильфердинг, 1: 562, Пудож. уезд, Купец. волость, д. Мелентьевская, зап. у Ивана Фепонова]; – *И случилось Ильи Муромцу ехать мимо мызы Соловья Рахманова, Зятевья и смотрят с мызы этой Соловья Рахманова* [Гильфердинг, 2: 238, Сенногуб. волость, зап. у Андрея Сарафанова]. Первая фиксация этой лексемы относится к самому началу XVIII в., возводится она к эст. *mõiz* ‘двор, имение’ [Фасмер, 3: 23].

Таким образом, рассмотренный лексический материал позволяет говорить о доминировании в былинах слов карельского происхождения, возможных вепсских, саамских источников, а также о единицах эстонского происхождения.

Литература

Аникин 1997 – Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Новосибирск, 1997.

Барсов – Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым / Изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб., 1997.

Гильфердинг – Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. В 3 т. М.; Л., 1949–1951 [1-е изд. СПб., 1873].

Гусева 1971 – Гусева Л. Г. Заимствованные слова в географической терминологии Каргопольского края // Уч. Зап. Уральского гос. университета. Вопросы топониматики. № 5. Свердловск, 1971. С. 128–132.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. СПб., 1-е изд. 1863–1866; 2-е изд. 1880–1882.

КСРГК – Картоотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей.

КСРНГ – Картоотека Словаря русских народных говоров.

Куликовский – Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Лыткин 1956 – Лыткин В. И. Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию: Сб. ст. М., 1956. С. 179–189.

Марков 1901 – Марков А. Беломорские былины, записанные А. Марковым с предисловием проф. В. Ф. Миллера. М., 1901.

Михайлова 1986 – Михайлова Л. П. Географическая лексика в русских говорах Карелии (названия болот) // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар, 1986. С. 76–88.

МКРСС – Мокшанско-русский словарь / Под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Н. Полякова. М., 1998. 920 с.

НОС – Новгородский областной словарь. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.

Ончуков 1908 – Ончуков Н. Е. Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). СПб., 1908.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. 275 с.

ПЛГО – Авторские данные полевого лингвогеографического обследования.

Погодин 1904 – Погодин А. Л. Севернорусские словарные заимствования из финских языков // Варшавские университетские известия. 1904. IV. С. 1–72.

Подвысоцкий – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Рыбников – Рыбников П. Н. Объяснение непонятных и областных слов, встречающихся в сборнике // Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 3. Петрозаводск, 1864. С. 1–LXII.

Рыбников, 1–4 – Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 1. М., 1861; ч. 2. М., 1862; ч. 3. Петрозаводск, 1864; ч. 4. СПб., 1867.

СВЯ – Словарь вепсского языка / Сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Л., 1972.

СКЯМ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

СКЯП – Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.

Словарь охотника-природолюбца – Словарь охотника-природолюбца: Термины, идиомы, фразеологические обороты / Сост. И. Касаткин. М., 1995.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. В 4 т. СПб., 1994–1999.

СРГНО – Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.

СРГСР – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения. Екатеринбург, 1966.

Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. СПб., 1893–1912.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. В 32 т. М.; Л. (СПб.), 1965–1998.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1967–1974.

Черных – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М., 1994.

Ahlqvist 1998 – Ahlqvist A. Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья // *Studia slavica finlandensia*. Т. XV. Helsinki, 1998. S. 176.

JMS – Jukeroismurteiden sanakirja / Toim. R. E. Nirvi. Helsinki, 1995.

Kalima 1915 – Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

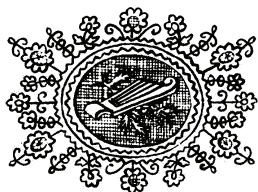
KKS – Karjalan kielen sanakirja. O. 1–5 // *Lexica societatis Fenno-Ugricae*, XVI, 1–5. Helsinki, 1968–1997.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

SSAP – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

SYWS – Wichman Y., Uotila T. E. Syrjänischer Wortschatz // *Lexica societatis fenno-ugricaе*. VII. Helsinki, 1942. S. 134.

VKMS – Tsvetkov D. Vatjan kielen joeperän sanasto. Helsinki, 1995.

О. Ю. Жукова
Петрозаводск

**Об изучении языка фольклора
(на материале вепских причитаний)**

Лингвистическое изучение произведений устного народного творчества имеет особое значение в познании не только языка, но и народной духовной культуры. Язык фольклора рассматривался и в лингвистическом, и в фольклористическом аспекте. Если примеры из народнопоэтических текстов анализировать лишь в рамках языковедческих исследований, то «теряется существенная информация о семантико-функциональной стороне явлений» [Хроленко 1992: 153].

Лингвистика, занимаясь исследованием фольклорного текста, вынуждена обращаться к фольклористическим проблемам, учитывать фольклорное видение мира. Исследуя лексику языка фольклора, приходится неизбежно сталкиваться с проблемой контекста